

© И.Р. Атнагулов

ОТ “ГВАРДЕЙЦЕВ СЕЮМБЕКИ” ДО “КОРЕННОГО МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА”

В статье А.В. Головнева и С.Ю. Белоруссовой отражен один из эпизодов в истории становления нагайбакской идентичности — период общественной деятельности Алексея Михайловича Маметьева во второй половине 1980-х — середине 2000-х годов. Прежде чем познакомить читателя с его личностью, авторы предлагают краткий обзор становления нагайбаков. Здесь точно отмечены основные геополитические и культурные стратегии государства, оказавшие влияние на возникновение новой идентичности — христианизация населения, создание новых казачьих подразделений, политико-административных единиц, сетки населенных пунктов и акции по переселению. Конечно, в правительственные планы не входило “создание” какого-либо нового народа, а целью всей этой деятельности являлось обеспечение государственной безопасности на окраинах империи. Формирование собственно этнических признаков есть результат конкретных локальных культурных взаимодействий, стратегий и приоритетов в повседневных практиках, поведении элит. Авторы статьи отмечают, что “в любой успешной этноистории неизменно обнаруживается яркий фигурант”. С этим нельзя не согласиться, ибо исторический процесс связан с деятельностью конкретных людей, а преобразования революционного характера невозможны без лидеров. Подтверждением тому являются примеры, представленные во вводной части статьи.

Тема публикации заинтересовала уже потому, что исследованием данной этнической группы мы занимаемся на протяжении последних более чем двадцати лет, а с Маметьевым нас связывали дружба и общие научные интересы. Кроме того, с авторами статьи нас объединяет не только увлечение темой, но и солидарность в применении методологического подхода. Отмечалось, что изучение возникновения, развития и трансформаций нагайбакской идентичности, за столь короткий по историческим меркам срок, наиболее продуктивно осуществлять на базе конструктивизма (Атнагулов 2017: 46; Белоруссова 2017: 8), поскольку целью является объяснение феномена современной самоидентификации нагайбаков, основания которой, вопреки утверждениям, представленным во всех прежних публикациях, не совпадают с татарской. Этническое единство нагайбаков и татар — парадигма, сложившаяся в рамках примордиалистского подхода. Выбор того или другого методов — дело вкуса и цели, которую перед собой ставит исследователь. Несмотря на внешнюю противоречивость оба подхода можно рассматривать и как взаимодополняющие (Головнев 2009: 46; Атнагулов 2017: 46).

Ирек Равильевич Атнагулов | <http://orcid.org/0000-0002-7453-0720> | i.atnagulov@mail.ru | д.и.н., ведущий научный сотрудник НИЛ “Этнография народов Южного Урала” | Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический институт (пр. Ленина 69, Челябинск, 454080, Россия)

Нагайбаки, живущие в Нагайбакском районе, обычно при первом знакомстве обнаруживают идентичность, адекватную самоназванию (*Атнагулов* 2015: 142). Проводя опросы, мы задавали вопрос: “Как вы объясняете, кто такие нагайбаки, если находитесь там, где о вашем народе никто не слышал?” Нередко в ответ звучало — “крещеные татары”, “близкий к татарам народ” и тому подобное. Один из моих друзей — Владимир Ишимов — этнический нагайбак, социолог по образованию, хорошо знающий историю своего народа, активист “Конгресса татар Челябинской области”, транслирует как нагайбакскую, так и татарскую идентичности. При общей солидарности в неприятии этнонима “татары” ощущение исторической принадлежности к “татарскому миру” эпизодически проявляется.

Известно, что большинство нагайбаков обладают, как минимум, двухуровневым самосознанием — нагайбакским и кряшенским (*Атнагулов* 2016: 144). Рассмотрение современной ситуации, связанной с обсуждением вопроса кряшенско-нагайбакской идентичности следует проводить через три дискурсивные плоскости — политическую, научную и общественную. В плане политического дискурса проблема рассматривается не столько как сугубо нагайбакская, сколько как присутствующая в общекряшенском контексте. Кряшенская проблема обсуждается и является объектом политических дискуссий в основном на территории Республики Татарстан, либо с участием представителей политических, научных и общественных элит республики в иных форматах (*Соколовский* 2009). Кряшены, проживающие за пределами данного субъекта, например, в Башкортостане или Удмуртии, по причине отсутствия “юрисдикции” Казани объектом политического влияния последней не являются. Свидетельством тому являются результаты Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Таким образом, нагайбаки должны находиться за рамками политического дискурса.

Однако обсуждение нагайбакского вопроса в 1990-х годах проходило исключительно в общественной и политической плоскостях. Общественный дискурс получил импульс после ряда значимых событий в жизни этого народа в последние полтора десятилетия XX в. Авторами статьи они описаны. Это деятельность Маметьева, создание музеев, фольклорных ансамблей, активизация пропаганды истории и культуры нагайбаков и другое. Обсуждение проблемы в плоскости политического дискурса явилось, в результате контактов Маметьева с Правительством РФ, продолжением общественного. Сыгравший положительную роль в судьбе нагайбаков, В.А. Тишков выступил в тот момент скорее как политик, а экспертная комиссия ИЭА РАН в то время еще не имела возможности опираться на научные исследования по нагайбакской идентичности, ввиду отсутствия таковых. Тем не менее комиссия приняла взвешенное решение, переданное в тексте статьи цитатой: “Определение своей национальной принадлежности должно быть делом самих людей, а не каких-либо государственных органов”.

Академический дискурс в обсуждении проблемы появился с конца 1990-х — начала 2000-х годов. В научных публикациях вопросы нагайбакской идентичности рассматриваются, как было отмечено, с позиций сторонников двух взаимоисключающих методологических подходов. Нам приходится участвовать в обсуждении данного вопроса как с представителями академического сообщества, так и с общественными лидерами нагайбаков. Первые, из числа тех, кто является сторонником примордиализма и считает нагайбаков частью татарского народа, этническую диагностику проводят на основе этнографических данных второй половины XIX — начала XX вв. Вторые, по причине деактуализации черт культуры того времени, часто в качестве главного аргумента в пользу существования идентичности приводят указы Президента от 1993 и 1999 гг.

Считать основанием современной нагайбакской идентичности указ Президента так же ошибочно, как и очерчивать ее контуры культурными параметрами прошлого. Во время экспедиций приходилось задавать вопрос нагайбакам: “Если бы не было указа, то народ существовал бы или нет?”. Ответ всегда звучал положительный. Очевидно, что фундамент современной нагайбакской идентичности заключен не в документе, который всего лишь формально легитимирует статус народа, а в чем-то другом. Для человека, выросшего в эпоху советского “нациестроительства”, факт официального документального признания существования идентичности является крайне важным, порой необходимым и достаточным условием ее существования.

Общественный лидер нагайбаков — Маметьев, безусловно, был увлечен идеей восстановления исторической справедливости по отношению к нагайбакскому народу. Авторам удалось показать его душевные переживания и путь к осуществлению замысла. В понимании Маметьева, как и любого другого человека того времени, никакого иного пути к обретению этнического статуса, кроме официальной государственной легитимации, быть не могло. То есть название народа — исторически справедливый этноним — должно было быть зафиксировано документально. Главным государственным документом, где отмечалась этническая принадлежность человека, был паспорт гражданина СССР, а источником и основанием для занесения корректного названия этнонима в “пятой графе” этого же документа было его наличие в перечне народов, содержащемся в материалах последней на тот момент переписи населения. Как пишут авторы, в письме председателю Совета национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанову Маметьев обращается с просьбой о “законном признании нагайбаков как *этнографической группы*” (курсив мой. — И.А.). Далее он относит нагайбаков к числу “*малых народов* нашей великой многонациональной Родины” (курсив мой. — И.А.).

Авторами справедливо замечено, что «изначально Маметьев и его единомышленники не дерзали идти дальше просьбы признать их “этнографической группой” или “частью кряшенской этнической группы”». В 1993 г. он представлял нагайбаков на международной конференции по проблемам коренных малочисленных народов. Судя по тексту статьи, Маметьев получил приглашение на эту конференцию, еще не зная о том, что нагайбаки уже обладают новым статусом. И уже там от Р.Г. Абдулатипова он услышал новость о включении их в данный список. Предоставив статус отдельного народа, о котором ходатайствовали нагайбаки, государство выдало им бонус в виде членства в “клубе коренных малочисленных”. Решение “нагайбакского вопроса” было осуществлено в условиях общественно-политического климата того времени на фоне отсутствия научных исследований по идентичности нагайбаков.

Как пишут авторы, «новость... вызвала своего рода этно-бум. Жители принялись менять паспорта, вписывая в графу “национальность” разрешенное отныне название “нагайбак”/“нагайбачка”». Например, один из моих студентов — Алексей Кинзин — рассказывал, как ради этого немедленно поменял недавно полученный паспорт на другой. Однако произошедшая вскоре замена паспорта советского образца на новый российский сняла вопрос о документальной фиксации этнонима по причине отсутствия соответствующей графы.

Административные методы, применяемые при кодификации населения страны по этническому признаку, ушли в прошлое. Исчезла необходимость в обязательной документальной отметке данного вида идентичности. Если в течение нескольких десятилетий советской практики обязательной и безальтернативной фиксации этнической принадлежности значительная часть нагайбаков испытывала беспокойство от навязанной им татарской идентичности, то после обретения права на справедливую запись в документе тут же лишилась этой возможности. По нашим наблюдениям,

значительная часть нагайбаков к смене документа отнеслась спокойно и с пониманием. Предполагаем, что большинство населения было удовлетворено уже результатами переписи населения.

Среди прочих особенностей нагайбаков — экономическая активность, практичность, склонность к здоровой конкурентной состязательности. Приоритеты в жизненных стратегиях у них, как и у соседей — русских и казахов, — это материальное благополучие, достойное образование и работа, здоровье. Некую угрозу “поглощения” их татарами они не ощущают. Беспокойство еще какое-то время возникало у части местных общественников. Один из них на страницах местной печати назвал упомянутую авторами статьи Р.А. Имамееву, меня и еще одного уважаемого человека “агентами мусульманской разведки, подосланными в район для исламизации нагайбаков”. Пожалуй, это был едва ли не единственный случай столь одиозного публичного высказывания.

Авторы статьи приводят мнение одного из современных общественных деятелей А. Тептеева: «...многие нагайбаки остались равнодушными к статусу коренного малочисленного народа, потому что он ничем не подкреплён: “результата особого нет, нет никакой выгоды, ничего”». Примерно то же самое приходилось слышать и мне. Затем появилась история, которая стала популярна и неоднократно повторялась устами бывшего главы района — К.Х. Сеилова, который обсуждал эту проблему с губернатором. Авторы статьи пишут, как в ответ на его попытку завести речь о льготах для нагайбаков губернатор заявил: “Чукчи Челябинской области не нужны”.

Права коренных малочисленных народов РФ, а также отдельных лиц, относящихся к ним, изложены в статьях 8, 9 и 10 Федерального Закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ”. В нагайбакском контексте не вызывает вопросов статья 10 “Права лиц, относящихся к малочисленным народам, на сохранение и развитие своей самобытной культуры”, позволяющая нагайбакам для сохранения культуры и языка получать от государства соответствующие гарантии.

По поводу статьи 8 “Права малочисленных народов, объединений малочисленных народов и лиц, относящихся к малочисленным народам, на защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов” хотелось бы отметить следующее. Казаки-нагайбаки прибыли на современную этническую территорию в 1843 г. в общем колонизационном потоке вместе с другими казаками, в основном — русскими. Те и другие обладали навыками развитого пашенного земледелия и пастбищно-стойлового скотоводства. Производящий сектор в хозяйстве доминировал настолько, что к началу XX в. был изменен местный ландшафт — распаханы участки степи, вырублены леса и т.п. Стали складываться капиталистические отношения, появилась мелкая промышленность. Нагайбакский хлеб в начале XX в. имел товарное значение. В течение XX в. нагайбакские хозяйства продолжали специализироваться на пашенном земледелии и животноводстве, показывая высокие результаты. Экономическая ситуация последних десятилетий изменила структуру и соотношение элементов хозяйства. Современные нагайбаки заняты в различных отраслях экономики, в том числе на промышленных предприятиях, в частном предпринимательстве, образовании, банковской сфере и тому подобное. В сельскохозяйственном производстве наиболее эффективным и прибыльным сейчас является производство мяса, чем успешнее всего занимаются жители с. Остроленка, у которых уровень материального достатка один из наиболее высоких в районе. Современные экономические условия привели к тому, что значительная часть нагайбаков, по нашим оценкам не менее 30%, относится к урбанизированному населению. Если учесть, что и в сельской местности многие заняты в несельскохозяйственной деятельности, то эта цифра должна быть выше.

Обращает на себя внимание статья 9 “Право лиц, относящихся к малочисленным народам, на замену военной службы альтернативной гражданской”. В 2005–2006 гг. при анкетировании среди прочих вопросов был один, касающийся данного права. Не было удивительным то, что потомки легендарных “гвардейцев Сеюмбеки” и российских казаков в подавляющем большинстве оказались “милитаристами”. Известен случай, когда один из моих студентов, внук Маметьева — Алексей, был недоволен отрицательным заключением медкомиссии военкомата и добился того, чтобы стать “годным к строевой службе”. У потомков героев “косить” от армии не в почете. Упомянутая в статье начальник районного отдела культуры Р.А. Сидорина поделилась со мной сводкой райвоенкомата, где, к ее изумлению, призывники-нагайбаки были записаны татарами. Очевидно, что в Министерстве обороны на этот счет были свои инструкции. И это несколько не волновало призывников.

Кроме того, Сидорина — коллега и единомышленник Маметьева, действительно, сделала большую работу по сохранению и пропаганде нагайбакской культуры. Однако ее миссия была шире. Правы авторы статьи, отмечающие, что, используя закон, она помогала всем, независимо от этнической принадлежности, талантливым детям из сельской глубинки, которые по окончании вузов возвращались на родину. Как свидетель событий подтверждаю это. Стоит добавить, что в ходе анкетирований, проведенных в 2005–2006 гг. на вопрос о льготах при поступлении в вузы, часть респондентов ответили, что в них не нуждаются: “Чем мы хуже других?”

Маметьев, будучи весьма образованным, осведомленным в вопросах истории, был близок, по нашему мнению, примордиалистским взглядам, понимая, что родословная нагайбаков восходит к казанским татарам, возможно с ногайским участием. Он первый рассказал мне легенду о “гвардейцах Сеюмбике” — ногайских князьях, служивших в охране казанской правительницы. Согласно сохранившимся преданиям, их потомки вошли в число служилых татар. Маметьев не принимал фантастические версии некоторых краеведов о происхождении нагайбаков от кого угодно, только не от татар. В долгих разговорах мы рассуждали об этнографических, языковых особенностях его народа. Он знал генезис нагайбакской культуры, ее истоки. Он хорошо понимал такое свойство этнического самосознания, как трансформируемость, почему и отстаивал право нагайбаков на собственную идентичность. Вызывает уважение то, как корректно и профессионально он использовал источники, основывал свои версии и выводы только на достоверных, проверенных исторических фактах. Маметьев был равноудален как от сторонников “татарскости” современных нагайбаков, так и от точек зрения, отрезающих нагайбаков от истории татарского народа. В этом отношении у него можно было многому научиться. В свое время, когда я защищал кандидатскую диссертацию, то получил строгие замечания как от тех, так и от других — за непозволительное “отдаление” или “сближение” нагайбаков и татар.

Народ, считающий себя наследником “гвардейцев Сеюмбеки”, боевой славы русского оружия, динамично урбанизирующийся, освоивший различные социальные ниши, с обретением статуса “коренного малочисленного” оказался в весьма деликатной ситуации по отношению к своим этническим соседям: русским, с которыми его предки с 1843 г. охраняли границу и распахивали целину, казахам, появившимся здесь раньше. Фактором, сдерживающим нагайбаков от желания реализовать собственные права “коренного малочисленного народа”, на наш взгляд, является понимание принципиального равноправия всех народов региона. Этому также способствуют тесные дружеские, включая родственные, связи нагайбаков с соседями, сложившиеся на относительно небольшой территории компактного проживания.

Недавно беседовал с жительницей Ханты-Мансийского АО. Семидесятилетняя женщина рассказала, что ее мать была обрусевшая манси, отец — русский из Челя-

бинска, муж — азербайджанец из Азербайджанской ССР. Она школьный учитель, сейчас пенсионерка, ее сын, врач поликлиники, — оба как представители “коренных малочисленных” успешно пользуются материальными льготами, в отличие от других, работающих рядом с ними. На мой вопрос, чем необходимо обладать для получения данного статуса, ответ был следующим: “Правильно составленными документами”. В связи с этим Ваш покорный слуга солидарен с теми коллегами, которые считают, что закон должен охранять не статусы, а образы жизни.

Статья А.В. Головнева и С.Ю. Белоруссовой — это первое в истории изучения нагайбаков обращение к личности Маметьева — персоне такого крупного масштаба в столь большом приближении. Авторы справились со сложной задачей — реализацией замысла весьма разнопланового по композиции сюжета. Во-первых, внимательное изучение документов, беседы с друзьями и родственниками Маметьева, глубокое погружение в тему позволили авторам произвести тончайшую, я бы сказал, “микрохирургическую” по технике исполнения работу со сложным механизмом “турбулентной этничности” нагайбаков. Во-вторых, масштаб фигуры Маметьева, рельефно вылепленный авторами на фоне нагайбакской истории, выглядит вполне убедительно, а его роль в “этностроительстве” соразмерна деятельности справедливо упомянутых в статье лидеров прошлого. Однако проблемы, которые поднимают авторы, гораздо шире. Например, поставлен вопрос о целесообразности включения нагайбаков в список коренных малочисленных народов, но при этом четкой авторской позиции не прозвучало. Хотелось бы обратить внимание на ряд “мелочей”, замеченных в тексте. Цитата: “нагайбакский *говор* был официально замещен татарским *языком*” (курсив мой. — И.А.). Во-первых, насколько известно, говор — это составная часть языка. Какого, в случае с нагайбаками, авторы не пишут. Во-вторых, нагайбаки, конечно, обладают языковой идентичностью, считая, что пользуются языком, отличным от татарского. Полагаем, что такое мнение среди нагайбаков сложилось в процессе поиска оснований их идентичности. На самом деле нагайбакский говор находится на одном таксономическом уровне с подобными говорами у других групп татар Приуралья, переселившихся сюда в XVIII—XIX вв. Поэтому современная литературная норма татарского языка, впитавшая, например, заимствования из мишарского диалекта, для нагайбаков является чуждой не более чем для тех других, живущих в Зауралье, кто называет свой родной язык татарским. На сегодняшний день не существует ни одной научной публикации, объясняющей отдельный статус “нагайбакского языка”, скорее — наоборот, и авторы это также отмечают. В-третьих, если такая публикация появится, то я пожму руку исследователю, добавившему на карте языков еще один тюркский. Следующая цитата: “На последних выборах (на пост главы района. — И.А.) 2015 г. победу одержал нагайбак из Остроленки В.А. Гайсин”. Последовательные конструктивисты могут считать Виталия Анваровича Гайсина настоящим нагайбаком. Примордиалисты с такой позицией, вероятно, не согласятся. С этим человеком я знаком и подтверждаю продуктивность конструктивистского тезиса о множественности идентичностей в одном человеке.

Практика тотальной кодификации общества по этническому признаку так и не работала единственно правильного метода диагностики и точного определения объекта. При очерчивании границ и оснований нагайбакских идентичностей в разные периоды истории мы обнаруживаем различные комплексы маркирующих. Безусловно, нагайбаки являются идентичностью, пусть и необязательно в строгом соответствии с академическими определениями этноса, нации, национальности и так далее. Дискуссия о феномене нагайбакской идентичности имеет перспективу в связи с обсуждением вопросов, связанных с противоречиями между всевозможными видами самоопределений различных групп населения и попытками их структурирования государством.